

Светлана и Николай
Пономарёвы

ГОРОД БЕЗ ВОЙНЫ

КомпасГид
издательский дом

Николай Пономарёв Светлана Пономарева Город без войны

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45719477

Город без войны: КомпасГид; М.; 2019

ISBN 978-5-00083-611-8

Аннотация

Альтернативный мир, похожий на наш на рубеже XX и XXI веков. Здесь телевидение, мобильная связь и интернет не то вышли из употребления, не то вовсе не были изобретены. Безымянный город, где разворачивается действие романа, мог бы располагаться где угодно на карте нашей страны, а атмосфера чем-то напоминает знакомое нам прошлое – но что за события в его истории опустошили целые кварталы и заставили обнести границу колючей проволокой?

Уже не один десяток лет город воюет с соседним Энском. Правда, торжественных сводок о сплочении народа перед лицом ненавистного врага мало, чтобы жители города забыли о том, как много их разделяет. От благополучного центра – всего какой-то час на автобусе до городских окраин, где бок о бок с мародерами квартируют в полуразрушенных пятиэтажках наемники из службы обороны «Штурм». Этот путь пришлось проделать пятнадцатилетнему Сашке, когда его обвинили в

измене и отчислили из престижного Гвардейского корпуса: с таким пятном на биографии берут только в штурмовики – лишь бы умел стрелять. Отряд наемников становится Сашке новым домом и новой семьей. Здесь он находит настоящих друзей, узнаёт цену жизни и впервые начинает задумываться о том, зачем ведётся эта долгая-долгая война. А еще слышит легенду о том, что где-то далеко на юге есть город, в котором всего вдоволь и люди живут в мире друг с другом...

Неприглядные стороны жизни, будни парней-наемников изображены в романе без прикрас, с поразительной достоверностью, но, как всякая антиутопия, «Город без войны» – это еще и притча, в которой авторы осмысливают вечные вопросы, стоящие перед молодым поколением во все времена.

Произведения Светланы и Николая Пономарёвых не раз попадали в шорт-листы ведущих российских литературных премий. Их прозе свойственны одновременно увлекательность и глубина, для любой сложной темы они находят правильные слова, близкие читателям-подросткам.

Содержание

1	6
2	15
3	23
4	33
5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Светлана Пономарёва, Николай Пономарёв Город без войны

*Нынешнее поколение советских людей будет
жить при коммунизме!*

Старинная пословица

© Пономарёва С., Пономарёв Н., текст, 2019

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», оформление,
2019

1

«Бом-м... бом-м... бом-м-м...» – доносилось сквозь тишину. Перед глазами стояла белая пелена, то вьющаяся, как дым, то переливающаяся, как молоко. Голова была словно сдавлена жёстким жгутом. «Где я?» – подумалось краем сознания. Что произошло – не вспоминалось. Сашка попытался сосредоточиться на зрительных ощущениях. Звон прекратился. Сквозь туман проявился потолок с чуть заметной паутинкой в углу, и Сашка решил, что это казарма. Потом туман рассеялся. Перед Сашкой была небольшая комната: возле кровати – тумбочка, чуть дальше – стол, табурет и ещё одна свободная кровать. За столом, склонившись над газетой, сидела толстая женщина в белом халате. Сначала и женщина эта, и комната, и жуткий запах хлорки вокруг существовали отдельно, ничем между собой не связанные и ничего не значащие. Потом сложилось: санчасть. Он в санчасти Корпуса. Значит, случилось что-то серьёзное, значит, он ранен. Сашка с трудом оторвал голову от подушки. Жгут на голове оказался марлевой повязкой. За окном садилось солнце и протяжно свистел ветер...

Лежать было неудобно, и Сашка попытался повернуться на бок, чуть не вскрикнув от боли, пронзившей половину головы. Пружинная койка под ним заскрипела. Женщина обернулась.

– Скажите, – с трудом выговорил Сашка, – почему я здесь? Меня ранили? Я ничего не помню.

– Поговоришь с доктором, когда он подойдёт, – нехотя отозвалась она. – Сообщу ему, что ты очнулся.

Сашка закрыл глаза. Голова всё ещё болела. И лезла в неё всякая чепуха: вспоминались учения их роты в степи. Пятые учения за год. Зачем их вспоминать? Все кадеты выезжают на учения. Все пробегают то по дождю, то по жаре бесконечные километры. Иногда налегке, иногда – волоча на себе килограммы груза. Выматываются, устают, добираются до нужного блокпоста почти ползком... Это нормально, так было всегда, он к этому привык. Почему же он здесь? Что-то произошло на учениях такое, чего он не запомнил. Он ударился головой. Только как? Никаких предположений... Ничего, кто-нибудь придёт и всё расскажет. Илья придёт... Сашка отогнал наваливающийся сон. Почему же он сразу не вспомнил? Была буря. Пыльная буря, суховей с южных пустынь. Они с лучшим другом Ильёй отошли в сторону от блиндажей. В поднявшейся пыли ориентироваться было сложно. Илья подвернул ногу и захромал. Значит, он тоже здесь, только в другой палате, он расскажет всё завтра. От этого стало легче...

Сашка пролежал всю ночь, то приходя в себя, то опять проваливаясь в забытьё. За окном так же ветрило, как и в степи. Под потолком от скачков напряжения мигала, то тускнея, то ярко вспыхивая, одетая в нелепый стеклянный пла-

фон лампочка. Пару раз приходил мужчина в белом халате, делал укол в вену и удалялся, не разговаривая с Сашкой, хотя тот и пытался расспросить про ранение и про Илью. А потом наступило утро. Ветер за стенами санчасти улёгся, и вместе с этим прекратилось у Сашки изматывающее головокружение. Он смотрел в потолок и ждал, что же будет дальше. После ранений, если они случались в Корпусе, кадетов отправляли в отпуск. Значит, он на неделю-другую попадёт домой. Это как получить неожиданный подарок...

Колокол на улице пробил утреннее построение, и вскоре пришла толстая медсестра, заспанная и хмурая. Принялась менять Сашке повязку.

– Мне ещё долго лежать? – спросил он.

– Если захочешь, можешь встать.

– А в какой палате Илья Ветров?

– Я не знаю, кого как зовут. Много вас привозят. Ищи сам, – сердито ответила она, – только не сейчас. Из палаты не выходи.

Сашка встал, подошёл к окну, опёрся на подоконник. Оказалось, что палата на втором этаже: внизу видны кусок двора, поросшего пыльной травой, кустик шиповника и плотный деревянный забор, опоясывавший Корпус по периметру. Гвардейский Корпус, самое престижное учебное заведение в городе, был от города совершенно отделён. Не только высоченным забором и предупреждающими табличками: «Территория Корпуса. Стой! Посторонним вход воспре-

щён!», но и общим пониманием: гвардия – элита. Только тут, за забором, можно прожить настоящую жизнь, сделать хорошую карьеру и принести пользу Главе. Городские мальчишки мечтали стать офицерами гвардии. Сюда брали лучших. Отсюда отчисляли за любую мелочь. Сашка учился в Корпусе уже второй год и знал здесь каждый клочок земли. Плац, казармы, учебное здание, склады, подсобки... Вот теперь и санчасть, в которой бывать не приходилось. Корпус строился очень давно для парадного полка Главы, президента тогда ещё огромной федерации. Выстроили Корпус на совесть: здания до сих пор не ветшали и смотрелись внушительно. Первые ученики засадили территорию тополями и голубыми елями, и теперь это были могучие красивые деревья. Да, здесь всё выглядело не так, как в измученном войной городе...

Сашка пожалел, что окно палаты не выходит на другую сторону. Можно было бы посмотреть на утреннее построение и на маршировку по плацу очередной роты. Или как старшие кадеты демонстрируют приёмы самообороны...

Сашка вздохнул, добрался до кровати и лёг. Перед глазами расплылся чёрный штамп на сероватой больничной наволочке... Их рота наверняка сейчас на теоретических занятиях. Решают задачи по алгебре или переводят куски из какой-нибудь книги легенд, написанной пустынноиками. А он будет валяться здесь неизвестно сколько из-за того, что непостижимым образом прошиб голову... А Илья, может

быть, уже и выписался. Вправили ему вывих и вернули в рот. Интересно, успеет Сашка вылечиться до конца сентября? Сегодня ведь уже восемнадцатое. А с октября начнётся новый блок занятий. Обещали снайперскую стрельбу и маскировку... И скоро зачёт по языкознанию. Сашка вспомнил, что одолжил учебник языка пустынных кадету из другой роты. Учебник у него хороший – не по стандартной программе, а по университетской. Мама покупала... Всё-таки лазарет – очень скучное место, особенно если не пускают в коридор...

За дверью раздался шум, и в палату ввалился плотный невысокий мужчина, седоволосый и с забавными усищами. Это был один из лучших тренеров Корпуса, капитан Григорий Краев. Обычно подтянутый и аккуратный, сегодня он выглядел взвинченным и растрёпанным.

– Здравствуйте, господин офицер! – вскочил Сашка, протягивая руку вверх в привычном приветствии.

– Сядь! – скомандовал Краев. Сашка сел на кровать, а тренер опустился на табурет. – У нас с тобой несколько минут. Я спрашиваю – ты отвечаешь.

– Что-то случилось? Нас повезут на войну?

– Явился бы я из-за этого... – Краев нервно сцепил пальцы, будто решая, стоит ли разговаривать или прямо сейчас уйти. – К тебе приходили из Управления Безопасности? Нет? Значит, придут. Как только медики им доложат, что ты оклемался. Придут или вызовут к себе... Не знаю, как там сейчас

принято. Так вот... Я хотел тебе сказать: мне всё равно, что вы там с Ветровым задумали! В любом случае ваши выходки – бред и детство. Главное – ни в чём не признавайся.

Сашка смотрел на капитана и ничего не понимал. Краев это увидел.

– Ты вообще помнишь вчерашний день? Учения?

– Да, мы с Ильёй заблудились. Была буря... Подвернул ногу... – Сашка мучительно пытался вспомнить нечто, что стало бы ключом к непонятным словам Краева, но ничего не вспоминалось. – Потом что-то ударило по голове...

– Не что-то, а Ветров. Он ударил тебя, а потом убежал на юг. Его ищут, но до сих пор не поймали. Так что, выходит, Илья Ветров – дезертир и предатель города. Понял?

– Илья? – внутри у Сашки похолодело. – Не может быть! Он не мог убежать. Он ведь хроمال.

– Ты ж не маленький, – невесело усмехнулся Краев, – соображаешь. Илья оказался предателем. Теперь его будет искать Контора. Знаешь такое заведение? Не рекомендую туда попадать. Они найдут Ветрова и расстреляют. Но это уже его беда. Сейчас я тревожусь за тебя...

Сашка молчал. Бежать в бурю через степь в другой город! Не просто предательство, а самоубийство... Зачем Илье бежать?

– У тебя только одно оправдание, – Краев прикоснулся пальцами к повязке вокруг Сашкиной головы. – Ты пытался его задержать – он ударил тебя камнем. Ты кровью смыл

подозрения.

– Я не пытался его удержать! – выдохнул Сашка. – Он никуда не собирался, правда! Мы отстали от группы из-за его ноги! А потом...

– А потом он ударил тебя, чтобы ты ему не мешал дезертировать, – чётко сказал Краев, поднимаясь. – Ему ты теперь не поможешь. Думай о себе. Допрос следователя из Конторы – не шутки.

Краев ушёл, будто не хотел, чтобы его видели в санчасти, а Сашка остался наедине со странными и страшными словами про дезертирство. Сказанное капитаном было настолько невероятным... Словно Сашке заявили, что мир перевернулся или что он сам вовсе не Александр Ерхов, а другой человек. Сашка встал и снова подошёл к окну. Как будто вид из него мог что-то прояснить. Хотя и в самом деле мог. Всё на прежних местах, значит, мир не рухнул. А раз так, то и Илья не может быть дезертиром. В самом деле, почему решили, что он куда-то убежал? Наверняка это ошибка. Илья заблудился. Да мало ли что в такой буре могло случиться. С чего взяли, что Илья его ударил? Сашка такого не помнит. А ведь он не слепой и не умалишённый, чтобы не заметить, как на него напали. Сашка потрогал повязку. Голова почти не болела. Это было ещё одним доказательством того, что Илья его не бил. Окажись у него в руке камень да стукни он камнем человека в висок – неужели не убил бы?

– Санёк!

Сашка опёрся на подоконник и заметил, что на газончике внизу стоят его приятели – Василь, Макар и Вовка. Сашка подёргал шпингалеты и распахнул окно.

– Нас исключают! – крикнул Вовка. – Всех, кто был вчера в нашей команде, переводят рядовыми в бронечасть на южной окраине. В Корпусе такой шорох! Офицеров опрашивают, везде обыски!

– Всё из-за Ветрова! – добавил Макар.

– А меня? Меня куда не переводят?

– О тебе молчат. Может, оставят кадетом. Вон как тебе досталось! Больно?

– Больно, – пробормотал Сашка. – А что, его не нашли?

– Нет. Вчера вертушки поднять не могли из-за ветра, только сегодня полетели. Да за ночь куда только не удерёшь! Санёк, слышишь?

Но он уже не слышал – сел на кровать, обхватил колени руками и закрыл глаза. Неужели всё правда и Илья действительно убежал?

– Кто разрешил окно открывать? – ворвалась в палату толстая медсестра и тут же визгливо заругалась на мальчишек: – Пошли вон отсюда! Написано же: «Не шуметь»!

Она грохнула створками так, что стекло зазвенело.

– Тебя выписывают. Форма в приёмнике. Иди на первый этаж...

В крохотной каморке дежурный кадет-первогодок выдал Сашке его форму. Сашка натянул гимнастёрку со следами

крови на воротнике и посмотрел в зеркало. Вид у него был абсолютно не гвардейский: лицо бледное, чёрные глаза лихорадочно блестят, да ещё повязка вокруг выбритой головы. Сашка вздохнул, щёлкнул каблуками и заученным жестом отсалютовал отражению. Получилось так дурно, что передёрнуло...

В приёмнике, не отрываясь от заполнения каких-то важных бумаг, врач сообщил, что кадету Ерхову срочно велено явиться в кабинет начальника Корпуса.

– Вообще-то выписывать тебя рано, но есть такое распоряжение. – Он отложил карандаш и подал Сашке стеклянный флакончик. – Будешь пить эти таблетки утром и вечером, повязку поменяешь завтра. Лучше бы тебе полежать, но раз такое дело... Давай, держись.

Сашка сунул таблетки в карман и вышел на улицу. Неужели его тоже переведут рядовым в бронечасть? В команде вчера были десять человек. Как можно выгнать всех?

Стоял тёплый сентябрьский день, в воздухе носились паутинки, пахло хвоей. Сашка медленно пошёл в сторону административного здания. Форменные сапоги бухали по асфальтовой дорожке и казались невероятно тяжёлыми, воротничок жал горло, Сашка мигом взмок и устал. И всё-таки он верил, что ничего плохого случиться не может. Он ведь не виноват. Значит, всё будет хорошо.

2

В администрации было душно и людно. Сновали по своим делам секретари в разноцветных костюмах, приносили документы офицеры в форме цвета хаки. Сашка присел в уголке и закрыл глаза, отстраняясь от человеческого круговращения. Вспомнилось, как больше года назад он сидел на этой же скамейке. Его привёл знакомый отца, оставил у окошка, а сам исчез в кабинете начальника. Сашка был тогда ещё малолетним: ходил в гимназию, дома лепил из глины замок, а об армии даже не мечтал. Да и мама считала, что хватит уже в семье военных, её сын должен окончить университет, медицинский факультет. Он не возражал – медицинский так медицинский. А потом, в странно душный для мая день, когда город был придавлен серыми мрачными тучами, а воздух казался неподвижным, отец с работы не вернулся. Пришли какие-то люди в парадной офицерской форме, что-то долго объясняли маме на кухне, а Сашка стоял у закрытой двери и мучился неизвестностью... Отец погиб, защищая жизнь Главы. Вместо отца у Сашки теперь был серый камень на офицерском кладбище. Того, кто стрелял в Главу, тут же поймала Контора. Только это не могло ничего изменить. Сашке оставалось недоумевать: как в их городе, лучшем из всех городов, мог появиться такой сумасшедший... Своей смертью отец заслужил венок, возложенный Главой на его могилу, и

зачисление сына в гвардейский Корпус. Об университете теперь не могло быть и речи.

Сашка приоткрыл глаза – над ним наклонилась пожилая женщина.

– Тебе что, плохо? Ты к кому пришёл?

– К господину полковнику. Кадет Ерхов Александр.

– Сейчас сообщу.

Сашка опять погрузился в воспоминания. Тогда, год назад, из кабинета тоже вышла женщина. «Хорошенький мальчик», – оценила его, как куклу. Даже противно стало. Но, видно, она оказалась права, раз взяли Сашку именно в парадную роту.

«Тебя приняли, – сказал знакомый отца. – Не подводи!» И он не подводил...

– Ерхов, проходи! – крикнули из кабинета.

Кроме начальника Корпуса, полковника Белова, за столом в кабинете сидели Краев и незнакомый Сашке худой мужчина в сером костюме. Лицо у незнакомца было желтушно-измождённое, и посмотрел он на Сашку так, будто тот его личный враг и виноват во всех несчастьях.

– Садись, Ерхов, – полковник кивнул в сторону свободного стула у стены.

Сашка послушно сел.

– Да-а, – протянул незнакомец, – бардак в вашем учебном заведении, господин Белов. И хуже всего – подозрительный бардак. Вы нам всё Управление на уши поставили своими

сопливыми перебежчиками...

Краев чуть слышно кашлянул.

– Займёмся делом. – Незнакомец вновь посмотрел на Сашку. – Я следователь из отдела дознания Управления Безопасности. Ты – Ерхов Александр?

– Да, – выдавил Сашка, не понимая, что происходит.

Следователь порылся в лежащей перед ним коричневой папке и стал зачитывать:

– Возраст – пятнадцать лет. Отец, Ерхов Александр, в мае прошлого года героически погиб, защищая жизнь Главы; мать, Ерхова Клавдия, учительница в младшей школе, проживает по улице Братская, дом восемь, квартира шесть. Всё верно?

Сашка кивнул.

– У тебя и дед герой был?

– Да.

– Вот так... А ты, значит, предатель.

Перед глазами у Сашки потемнело.

– Я не предатель! Это ошибка.

– А я тебя ещё ни о чём не спрашиваю! – рявкнул следователь. И перевёл взгляд на Краева. – Совсем распустили личный состав. Я сюда за его оправданиями пришёл? Такой позор на Корпус, а все ведут себя, будто ничего не произошло.

Сашка смотрел то на Краева, то на полковника. Те молчали и, похоже, вступаться за него не собирались. Краев рассеянно сплетал и расплетал пальцы сложенных на коленях рук.

Следователь встал, подошёл к Сашке вплотную и, наклонившись, спросил:

– Ты, сын героя, ты вообще соображаешь, во что вляпался?

Сашка вжался в спинку стула.

– Давно Ветров собирался в Энск?

– Не знаю.

– Это не ответ.

– Да я честно ничего не знаю! – Сашка с ужасом смотрел на следователя. – Мне Илья ничего не говорил!

– Понятно, – процедил следователь. – Мальчик решил задурить голову трём взрослым мужикам. Думает, соврёт, и его отпустят. Думает, сможет и дальше учиться в Корпусе. А честь будущего офицера для него, видимо, пустой звук!

– Никак нет!

– Нет? – следователь приблизил своё лицо к Сашке, и тот почувствовал его дыхание, пахнущее дешёвыми сигаретами и чем-то сладковатым. – Знаешь, что бы на твоём месте сделал человек, дорожащий воинской честью? – Он сделал паузу и выдохнул: – Пустил себе пулю в лоб!

В кабинете повисла нехорошая тишина. Сашка вдруг почувствовал ту головную боль, с которой он очнулся в госпитале. На мгновение показалось, что он просто продолжает приходить в себя и вот-вот увидит белый потолок. Но тут под следователем заскрипел стул, и наваждение исчезло.

– Ну, теперь я хочу услышать от тебя что-то более стоя-

щее, чем «я не виноват», – следователь вернулся на прежнее место за столом. – Итак, с кем чаще всего общался Ветров, кроме тебя, и кому он мог выдать свои планы?

Сашка подавленно молчал. Голова болела, мысли лезли одна на другую.

– Ерхов, тебе задали вопрос, – подал голос полковник.

– Он... – Сашка запнулся. – Ветров дружил только со мной. Он был из приюта, у нас тут не любят приютских...

– Кадеты не любят или тренера тоже? – заинтересовался следователь. – К примеру, тренер по ориентированию? Вот он, перед тобой. Скажи, как он относился к кадету Ветрову? Плохо?

– Хорошо.

– А почему хорошо? Он выделял его из остальной массы кадетов?

Сашка кивнул, потом помотал головой и беспомощно уставился на Краева.

– Да, – сказал тот, – я выделял Ветрова. И выделял Ерхова. Они способные ребята, и их трудно не выделять.

– Господин капитан, – внушительно проговорил следователь, – я сейчас задаю вопросы Ерхову, а не вам. А Ерхов почему-то не хочет оказать мне помощь. Он всё время ожидает подсказки от вас. Это можно рассмотреть как организованную вредительскую группу. Кто-то ведь внушает кадетам, что можно отправиться во вражеский город. Не сами же они до этого додумались, верно?

– У нас в Корпусе нет вредителей, – сказал Краев.

– Значит, они есть за пределами Корпуса! – гаркнул следователь. – Ветров ходил в увольнения?

– Как все. Раз в месяц на два дня.

– Куда он уходил в последний раз?

– И в последнее, и во все предыдущие в этом году увольнения он уходил вместе с Ерховым к нему домой, – сказал Краев.

– Да, Ерхов... Куда ни глянь, всё сводится к тебе, – следователь вытащил из кармана блокнот, карандаш и стал что-то туда записывать. – Твоя вина настолько очевидна, что и доказывать нечего...

– Подождите, – вмешался Краев, – какая вина? Ветров ударил его по голове, чтобы он не мешал ему покинуть район учений. Если бы Ерхов был виноват, они бы ушли вместе.

Следователь посмотрел на него ледяным взглядом.

– Вы ведь не дознаватель. Вы всего лишь тренер по ориентированию. Бывший тренер... А про удар по голове разговор отдельный. Слишком уж аккуратно стукнул. Чтобы и не убить, и подозрения отвести... И потом, так не бывает, чтобы человек вынашивал план и никто вокруг ничего не знал. Ветров ведь не сверхшпион какой-то и не сумасшедший, чтобы раз – и убежать без подготовки. А что касается Ерхова... Если ему друг-предатель дороже карьеры, учёбы в Корпусе, то выбор его. Посадить бы его по-хорошему в наше Управление, да улик маловато. Впрочем, я надеюсь, в гвар-

дии он не задержится.

– Не отчисляйте меня, – прошептал Сашка, – я ни в чём не виноват.

– Ты, может быть, и нет. Но вот друг у тебя – враг города. Вот в чём беда-то... – Следователь встал, спрятал блокнот в карман и кивнул полковнику: – Полагаю, на сегодня мы с вами закончили. Если будет необходимость, кадетов начнём вызывать. Всего хорошего.

Он вышел. Несколько секунд в кабинете было мертвенно тихо. Потом полковник взял со стола папку, открытую следователем:

– Твои документы, Ерхов. Ты отчислен. Казённое имущество сдай на склад.

– Вы его куда не переводите? – спросил Краев.

– Чёрный штамп в личное дело. В профессиональной армии предатели ни к чему. Может быть, отряды гражданской обороны или штурмовые бригады...

Всё вокруг Сашки завертелось. Он вцепился руками в сиденье. Краев взял из рук полковника папку и почти выволок Сашку в коридор.

– Ничего ещё не потеряно, – сказал он. – Насчёт чёрного штампа тебя просто пугают. Пара лет – и можешь попытаться поступить в танковое училище или в вертолётчики, – потом внимательно посмотрел на Сашку, – или получишь гражданскую специальность. Так даже лучше. Ты у матери один. За чем платить за учёбу там, где тебя в любую минуту пристре-

лят?

– Пристрелят? – Сашка поднял на Краева глаза. – Я сам должен застрелиться. Все теперь будут считать меня предателем.

– Не все, а Контора. Если бы стрелялись все, кого они подозревают, в городе жителей бы не осталось. Понял? Пошли.

Они вышли на улицу. Территория Корпуса выглядела как обычно: ели, дорожки, плакат «Мы – на защите города». Жизнь в Корпусе, уставная, чётко расписанная, продолжалась. Мимо Сашки и Краева то и дело проходили кадеты, скидывали руки в приветствиях и спешили дальше. Сашка смотрел на кадетов, деревья, здания и думал, что никакой жизни, кроме этой, себе не представляет. Как можно вдруг оказаться дома? Там, где он почти не бывал за последние полтора года. Что он будет делать? На учёбу в университете у них нет денег, а никакой профессии он не обучен. Его даже в мастерские не возьмут. А что будет с мамой? У мамы больное сердце, она может не пережить, что его отчислили...

– Ты меня слушаешь? – откуда-то сверху донёсся голос Краева. – Я говорю: держись. В жизни бывает всякое. Может, оно и к лучшему повернётся. Как знать...

3

Под вечер Сашка пришёл домой. Пока он ещё был в Корпусе, пока сдавал учебники, форму, прощался с ребятами, тоска была не такая сильная. Теперь же всё внутри болело, разрывалось на части. Он знал, что не должен идти домой. Он должен умереть. Чтобы не позорить мать. Но ноги сами принесли его к дому. Он немного постоял на улице и всё-таки вошёл в подъезд. Постучал в дверь сначала совсем осторожно, потом – сильнее. В квартире слышались мамины шаги. Это был лёгкий шелест шерстяных следков по деревянному полу, только сейчас он казался громче обычного. Вот мама остановилась у двери и спросила:

– Сашенька, ты?

Сашка подпрыгнул от неожиданности. Обычный мамин вопрос вдруг прозвучал безразлично, словно сын её давно застрелился и мама уже никого не ждёт. Сашка замер от неожиданности своего открытия, а мама повторила вопрос. Потом наступило молчание, долгое молчание. Где-то за соседней дверью раздался шепоток, ничего не значащий, но тревожный, за другой дверью почудилось кошачье мяуканье, темнота становилась пугающей. Сашка готов был повернуться и сейчас же бежать прочь от двери, прочь из дома, прочь из города...

Дверь отворилась. Сашка зажмурился от яркого света ке-

росиновой лампы, которую мама держала перед собой. Лицо мамы казалось бледным, измученным.

– Ох, Сашенька, – выдохнула она, неловко притягивая его к себе одной рукой. В квартире отвратительно пахло лекарствами. Сброшенные с вешалки, валялись в прихожей вещи. – Люди из Конторы, – объяснила мама, – такие грубые, страшные...

Она всхлипнула. Сашка взял из её рук лампу, пошёл на кухню. Там тоже царил беспорядок.

– Сашенька, – мама как будто только что его разглядела, – что у тебя с головой?

– Ерунда, – пробормотал он. Похоже, те, кто навевался к ним домой, не объяснили маме всего, что произошло. – Ты лучше скажи, чего они хотели? О чём тебя спрашивали?

– Они что-то искали. А спрашивали про Илью, про то, как вы в увольнение приходили. Сказали, Илья что-то натворил... – Мама сосредоточенно вспоминала. – Я хотела завтра ехать к тебе в Корпус. Такое горе... Илья – такой милый мальчик. Что он сделал? Ведь его теперь могут отчислить, да?

– Мама, – оборвал её Сашка, – что говорили обо мне?

– Ничего. Проверили твои вещи, и всё.

Сашка сел на табурет, положил локти на стол. Мама ничего не знает об отчислении, да и об Илье тоже. А уже так расстроилась. Что же будет дальше?

– Сынок, что у тебя с головой? Это опасно?

– Нет, – Сашка выдавил из себя улыбку и принялся врать: – На учениях из грузовика выпрыгивал – стукнулся. Вот отпуск дали. Недельку дома побуду.

Мама стала разжигать плиту. Сашка смотрел, как она устало двигается, и лихорадочно размышлял. Контора сюда больше не сунется – зачем он им нужен, да и из Корпуса выгнали и забыли. Значит, маме ничего можно не говорить. Так для всех будет лучше. Только надо за неделю что-то придумать. Решить, куда можно уйти, как будто в Корпус. Попробовать сунуться на завод – там работникам дают койку в бараке – или в какую-нибудь охранную службу... Выход найдётся.

– Сынок, а Илью держат в Конторе? Может, сходить, попросить за него? Он не может быть виноват.

– Мама, не надо! Только не ходи в Контору! – Сашка вскочил. – Он... на самом деле виноват. И мы с ним больше не друзья!

Мама ещё что-то говорила, но Сашка прошёл мимо неё в комнату и стал стелить себе на полу. Надо было лечь спать, чтобы не отвечать на её расспросы. Лечь и всё хорошенько обдумать. К тому же от всего этого безумия болела голова.

Мама грела чай, предлагала ему поесть, потом ещё долго сидела за проверкой тетрадей, вздыхая и шелестя страницами. Сашка лежал неподвижно и размышлял. О том, что совсем, оказывается, не знал Илью. Не знал того, с кем год стоял в шеренге рядом, спал на общей двухъярусной койке,

сидел за партой.

А ведь они с Ильёй даже не ругались. Сашка вспомнил, как на одно из первых построений приятель притащил ко-тёнка, подобранного у забора Корпуса, и за это загремел в карцер. Сашке показалось несправедливым такое наказание, и он стал пререкаться с офицером, за что его тут же посади-ли рядом с другом.

– Вот смотри, – говорил тогда Илья, – мы постоянно по-падаем в одно и то же место – в Корпус, в одну роту, в один карцер. Ты думаешь, просто так? Нет, это не просто так. Мы как-то связаны.

– Да, – ответил Сашка. – Конечно, мы связаны. Давай по-клянёмся никогда не разлучаться, даже если нас пошлют на войну.

– Давай, – согласился Илья. – Только клятву нужно скре-пить кровью. Чтобы всё было серьёзно.

Расковыряв себе пальцы выдернутым откуда-то гвоздём, они перемешали кровь.

– Ну вот, – сказал Илья, слизывая кровь с пальца. – Теперь мы всегда будем вместе.

Наконец мама погасила лампу и легла. Сашка, кусая губы, подождал, пока она уснёт, и всё-таки разревелся. Раньше он и не подозревал, что в нём такой запас слёз: плакал и плакал, а слёзы всё не кончались. На улице была глухая ночь, когда, обессилев, он не то заснул, не то потерял сознание...

Утро выдалось унылым: по крыше барабанил мелкий

дождик, ветер трепал пожелтевшие листья клёнов. Сашка проснулся и долго не мог сообразить, что случилось и почему он дома, а когда вспомнил, стало совсем плохо. Мамы в комнате не было – ушла на работу. Он поднялся, решил принять душ. Из зеркала на него затравленно смотрел худой бледный подросток, мало напоминающий прежнего Сашку. Повязка за ночь сбилась, обнажила затянутую кровавой корочкой рану. Сашка отвернулся, встал на цыпочки и достал с полки старенькую аптечку. К счастью, бинт в коробке нашёлся. Морщась от боли, Сашка туго перетянул себе голову, проглотил пару таблеток, полученных в санчасти, умылся, закрыл за собой дверь квартиры и постучал к соседям. У тёти Лизы и дяди Вити был единственный в доме телефон.

– Привет, солдат, – сказала тётя Лиза, увидев его, – какая у тебя повязка симпатичная!

– Мне бы позвонить... – вздохнул Сашка.

Он взял справочник и набрал номер агентства караванной торговли. Спросил, не требуются ли им охранники караванов. «Позвоните через месяц», – попросили его. Службе бытовых услуг при правительстве города сотрудники его возраста не требовались. В организации охраны «Сириус» трубку не взяли, а в кадровом агентстве завода предупредили сразу: «Мест нет, и больше не звони». Тогда Сашка позвонил в военизированную службу обороны «Штурм».

– Чего надо? – спросил грубый голос на том конце провода.

– Вам не требуются парни в штурмовые бригады?

– Что, совсем в дерьме? – участливо поинтересовался неизвестный собеседник.

– Да, дела неважно.

– Приходи в службу вербовки: улица генерала Пиотковского, шесть. Всегда рады, приятель. У нас ты понюхаешь, чем воняет порох. Полное обеспечение жилищем, жратвой, обмундированием, девками. Гы-гы.

– Можно прийти через несколько дней?

– Валяй, приятель. Надеюсь, здоровье у тебя лошадиное? А то сдохнешь, не доходя до места!

– Бывший кадет гвардии Главы, – вздохнул Сашка.

– Ну тебя там, видно, здорово по башке съездили, если ты из гвардейцев идёшь к нам, гы-гы-гы...

Сашка положил трубку. Штурмовая бригада – это последнее, на что стоило соглашаться. В городе ходили слухи, что все штурмовики – воры и проходимцы... Но там давали жильё. И, в конце концов, если будет слишком плохо, никогда не поздно уйти. Он поблагодарил тётю Лизу и вернулся домой. Стал наводить порядок: подбирать выброшенные из его шкафчика и с полок вещи. В комнате было сумрачно и тихо. Тишина нагоняла тоску. Ещё немного – тоска накроет с головой, начнёт душить, заставит плакать. Этого никак нельзя допустить. Сашка включил радиоприёмник, откуда тут же понёсся знакомый марш. Так-то лучше...

Удивительно, сколько разной ерунды накопилось у него за

последнее время. Он приволок всякий хлам из старой квартиры, где жили ещё с отцом. Тогда верилось, что, сохранив гимназические тетрадки, флакончики с краской и клеем для моделей, винты от разных конструкторов, он будет жить хорошо – устойчиво и понятно, как раньше. Теперь это казалось смешным. Сашка притащил из кухни мусорное ведро, сгрёб тетради туда. Верхняя оказалась не гимназической – уже из Корпуса. Сашка осторожно открыл её – пространственная геометрия. А в конце – клеточки игры-лабиринта, в которой они с Ильёй искали клад. Сашка отшвырнул тетрадь. Илья – предатель. Один из тех, которые хотят, чтобы их город захватили бандиты из Энска. Из тех, которые стреляют в Главу. Он ничуть не лучше подонка, застрелившего отца. И не стоит о нём больше вспоминать.

Сашка разыскал тряпку, старательно вытер полки, поставил на них книги и пару фотокарточек в деревянных рамках: на одной – отец в форме, на другой – мама с маленьким Сашкой на руках. Положил окаменевший зуб какого-то ископаемого зверя, подаренный отцом. Глиняный замок, стоявший тут раньше, при обыске разбился, и Сашке осталось только собрать в ведро обломки. Какой замок, когда жизнь переворачивается. По радио началась передача о славных героях предыдущей войны за независимость. Сашка сделал погромче...

Когда с уборкой было покончено, он решил почитать, но оказалось, что электричество до сих пор отключено, а керо-

сина мало. Сашка взял жестяной бидон и отправился на рынок.

Идти предстояло мимо площади Свободы. Давно, когда Сашка ещё учился в гимназии, они с друзьями бегали сюда играть. В прежние времена, которые сам Сашка не помнил, на площади бил фонтан. Теперь от него остались несколько ржавых труб, а из потрескавшейся чаши кусками вываливался бетон. Раньше Сашка добегал сюда за пару минут, но сегодня шёл гораздо дольше. На ходу считал кирпичные трёхэтажки: первая, вторая, третья. Через дорогу от пятой находилась площадь.

Сашка перешагнул невысокую ржавую ограду и сел на одну из скамеек, стоящих вокруг площади. Рядом, на ближайшей скамейке, несколько пацанят в гимназической форме обменивались фантиками. На следующей дремал пожилой мужичок, а на скамейке подальше целовалась парочка: парень в камуфляже и пухленькая, выбритая налысо девчонка. За площадью возвышались дома из пластика и стали. Показалось странным, что в стёклах не отражается вдруг выглянувшее из-за туч солнце. Наверное, стёкла грязные. Память услужливо подкинула эпизод, в котором они с Ильёй и Макаром мыли окна в казарме. Совсем недавно. Сашка помотал головой и приказал себе не думать об Илье. Взгляд с домов переместился левее. Там стоял памятник какому-то полководцу: мрачный офицер в фуражке, шароварах, сапогах и с мечом. Раньше Сашка считал, что так выглядели рыцари из

книжек, потом оказалось, что они ходили в латах. Надпись на памятнике давно стёрлась, но суровый взгляд выдавал героя древних войн. За памятником был разбит небольшой парк, засаженный чахлыми берёзками и тополями, в котором тоже стояли скамейки.

Солнце поднималось всё выше и стало даже припекать через свитер. Сашка поднялся и пошёл дальше. Почти все дома, мимо которых он проходил, были связаны с какими-то событиями: в одних жили его одноклассники из гимназии, в других – приятели из Корпуса или мамины знакомые. И почти все окрестности он обошёл с Ильёй. Илья любил ходить по городу просто так – наугад, иногда они всё увольнение бегали по каким-то закоулкам. «Представь, Санька, что ты здесь первый раз, или представь, что мы ищем опасного шпиона». Сашка представлял всё, что хотел Илья. Ему было очень интересно с таким другом. Ловили шпионов. А теперь Илья сам шпион. А Сашка вроде как его сообщник. Он остановился, пережидая приступ головокружения, и понял, что дошёл до рынка. Очень захотелось есть. Сашка купил у старушки пирог с картошкой, а у молодого парня – керосин, сел на доску, прибитую к двум пенькам. Пирог вонял резиной. Ну и пусть. Сашка жевал его и смотрел через дорогу. Там начинались рабочие кварталы, застроенные ветхими кирпичными зданиями, частными домиками и щитовыми бараками с осыпающейся штукатуркой. В тех кварталах было много наркоманов, хулиганов, бездомных... Ещё дальше нахо-

дились южные развалины – оплот штурмовиков. Место, куда ему предстояло попасть совсем скоро. Однажды, ещё в младшей школе, он уже бывал там, но за ним погнались тамошние пьяные парни, и ходить туда больше не хотелось. Да и мама не позволяла...

Подхватив бидон с керосином, Сашка пошёл домой. Парочка на площади всё ещё сидела, только теперь парень орал на подружку: «Ты дура! Ты всегда это делаешь, свинья!» Девочка плакала, вытираясь рукавом. Сашка подумал: нельзя так говорить девушке... Прислонившись к памятнику, отдышался и снова зашагал мимо трёхэтажек, считая в обратном порядке: пять, четыре, три... Когда добрался до своего дома, голова гудела, как колокол в Корпусе. Нетвёрдым шагом он зашёл на кухню, поставил на стол керосин и лёг на мамин диван. Впервые пребывание дома не радовало. Трудно врать, трудно ничем себя не выдать.

4

Прошло ещё пять дней. Сашка избегал общения с мамой, притворяясь то спящим, то занятым. А мама ничего особенного не заметила, тем более что повязки он менял аккуратно, таблетки глотал и чувствовал себя всё лучше. Депрессия отступила, и Сашка уже совсем бодро думал о предстоящей жизни в штурмовой бригаде. Он надеялся, что как-нибудь выкрутится. И там люди живут.

Наконец он твёрдо решил идти на вербовочный пункт. Встал пораньше, взял рюкзак и сложил туда запасную одежду, ножик, спички, фляжку. Натянул брюки, рубашку и свитер, огляделся, что можно ещё прихватить, вытащил из картонной копилки свой запас – восемь марок мелкими монетами. Рассовал их по карманам, затянул шнуровку на рюкзаке и приоткрыл дверь в коридор. На пороге стояла мама, непонятно зачем вернувшаяся с работы.

– Сашенька, я как почувствовала, что ты уходишь. Уже в Корпус?

– Да, пора, – он пнул рюкзак под диван. – Отстану, потом с зачётами будут проблемы.

– А со мной даже поговорить не хотел перед уходом?

– Я решил тебя не расстраивать. Ты же вечно волнуешься, когда я ухожу. Записку собирался оставить.

– Саша, Саша... – мама обняла его, – ты у меня такой

взрослый стал!

Он с трудом подавил вздох и улыбнулся.

– Я тебе позвоню, если смогу. Постараюсь, в общем.

– Осторожней там с грузовиками, – мама прошла на кухню и вернулась с двумя голубыми бумажками в руках. – Вот, возьми две марки. Купишь себе что-нибудь.

Сашка взял деньги, махнул рукой и вышел в подъезд. Вынести рюкзак теперь не было никакой возможности...

Недалеко от площади Свободы располагался жестяной навес, возле которого останавливались автобусы городских маршрутов. Нужный Сашке автобус оказался старым, дребезжащим и лишённым половины стёкол. Вместо сидений в нём были грубо сколоченные лавки. На боку автобуса красовалась надпись: «Работа маршрута оплачена организацией „Штурм“. Вступай в „Штурм“ – кузницу героев!» А чуть ниже было криво выведено мелом: «Труповозка». Шёл автобус до южной окраины. В салоне сидели несколько рабочих в запачканных комбинезонах, лоточник со сложенной тележкой и дюжина сварливых тёток различной комплекции, но с неизменным запахом лука и сала. Сашка устроился на лавке в самом углу, автобус тронулся, и за окном замелькали дома, от площади к окраинам всё более убогие. На редких остановках в автобус заходили неопрятные небритые мужики, а недалеко от конечной в салон набились два десятка парней, громко оравших и смеявшихся. Сашка напрягся, но они не обратили на него внимания.

Вскоре автобус прибыл на заросшую лебедой и полынью площадку. От неё в разные стороны разбегались несколько кривых улочек, редкие дома на которых почти по окна выросли в слой земли, пыли и мусора. Сашка с трудом разобрал надпись на ободранной табличке: улица Пиотковского. Дом номер шесть несколько отличался от соседних: за высокой деревянной оградой обнаружился небольшой ухоженный дворик, стены были покрашены, дверь обита новой клеёнкой.

Сашка толкнул эту дверь и оказался в тесном помещении. У стойки, наподобие барной, стояли трое молодых людей в чёрной униформе.

– Тебе чего, бритый? – спросил один из них. Остальные даже не повернулись.

– Хочу завербоваться.

Самый высокий и, видимо, самый старший из парней покопался за стойкой и протянул ему серый листочек.

– Возьми, заполни. Документы у тебя есть? Нет? Ну и не надо.

Сашка сел заполнять анкету.

– А ты хойошо подумай, пьياته? – спросил штурмовик со значком «Все козлы». Он так смешно картавил, что Сашка улыбнулся.

– Хорошо.

– Добро пожаловать в штурмовики, – сказал высокий. – Возьми подарок поступающему: «Кодекс штурмовика». И

подожди, мы справимся, куда тебя послать.

Сашку отвели в соседнюю комнатку. Тут на широком дерматиновом диване с массой неприличных надписей сидели ещё двое ребят его возраста. Один из них курил отвратительно воняющую самокрутку. Сашка отвернулся, стараясь не дышать, – к горлу подкатила тошнота. Через несколько минут зашёл высокий.

– Есть три места: сорок пятая бригада Воронцова в высотке номер тридцать один, пятый этаж; туда пойдёшь ты, бритый. И восемьдесят восьмая бригада Чернова в высотке номер четырнадцать, третий этаж; туда – вы оба. Получите форму на складе, и Эдик Кролик вас проводит. Вот, возьмите удостоверения штурмовиков. Да, и не вздумайте с новой формой в центр удрать: поймаем – так вздрючим, мама не опознает.

Эдиком Кроликом оказался картавый парень со значком. Он быстро объяснил двум парням, где найти Чернова, – те были местные и в сопровождении не нуждались. А потом подошёл к Сашке.

– В хоёшую гюппу ты попадаешь, пьятей. Витька – он непьохой. Пьявда, с гойовой не всегда дьужит. Его так все и зовут: Витька Шиз.

– А почему не дружит?

– Не знаю, упай, может быть, когда. Иногда ему кажется, что съедят.

– Как съедят?

– Ну, съезжа за ним. Чёйный язум. И вообще, шиза – она и есть шиза. Но пайни в бьигаде пьавийные, – Кролик кивнул Сашке на дверь. – Тут в саяе ськяд, баяхьё поючишь, и пойдём.

В сарае Сашка получил чёрные брюки, гимнастёрку, куртку, поношенные кирзовые сапоги с металлическими набойками на подошвах и выгоревшую фуражку с едва различимой надписью «Штурм». Всё это ему завернули в толстый слой обёрточной бумаги.

– Ну как фойма? – иронично осведомился Кролик. – Кюоче, чем в вашем Койпусе?

– Сойдёт. А что, в этом ходить обязательно?

– Ну ты даёшь! – закатился Кролик. – Это тойко дья боёвок, а то пьоносишь до дый, а новую хьен дадут. Ну, может, чеез паю ет, но ты язве стойко жить собияешься?

– Хотелось бы, – мрачно ответил Сашка.

– Кому сийно жить охота, к нам не езет! – наставительно пробурчал Кролик.

Они прошли через частный сектор южной окраины и оказались в развалинах. Раньше здесь был спальный район из престижных, но ещё в начале бесконечной войны его разбомбили. Теперь уже и война не та, и бомбардировщиков ни у кого нет, а полуразвалившиеся высотки зловеще смотрят на город пустыми глазницами. Сашка поёжился от неприятного чувства.

– На всех домах номея, – опять заговорил Эдик, – то есть

не на всех, а на тех, где жить не очень опасно. В остайные ючше не заходи, тойко есйи по нужде пьиспичит.

Сашка старался запомнить, куда его ведут, но это было нереально – приходилось всё время смотреть под ноги. Они с провожатым шли, наступая на осколки битого стекла, обходя кучи железобетонных обломков с торчащей арматурой, поросшие по краям колючими кустами шиповника. Иногда Сашка слышал крики, ругань, собачий лай, изредка им навстречу попадались плохо одетые парни.

– Гьяди не вяпайся, – посоветовал Кролик. – Все, кто здесь живёт, не очень чистопьётные. И... это, у тебя сигаеты не найдётся? Тут гниёт кто-то уже дней восемь. Тут ючше куйить. Нет? Жай, тогда пьёсто дыхание задеживай.

Действительно, откуда-то из развалин потянуло противным запахом разложения. Сашка с Эдиком почти перешли на бег.

– Это, небось, сатанисты язвёкаются. Мы на них объяву устьяиваи, да этих паязитов всех не пееёвишь. Здесь вообще всякого сбьёда хватает, по одному тойко днём ходим и то озияемся. Хойошо бы тебе, пьиятей, пушку заиметь. На боёвки оюжие выдают, конечно, но ючше иметь своё. Стъеать умеешь? А, забый! Ты же у нас из Койпуса.

Наконец они остановились перед бывшей двенадцатиэтажкой с жирно намалёванным красной краской номером 31. От бомбёжки пострадали только верхние этажи здания, а низ выглядел вполне надёжно.

– Нам сюда, – сказал Кролик. – Это очень хоёший дом, тут съязу пять бьигад живут, так что ночью по одному вас не пееежут.

Сашка покорно полез за Кроликом в пробойну, служившую входом. Подъезд выглядел как надёжная баррикада и общественный сортир одновременно. У лестницы на мешках с мусором лежал худой долговязый парень в очках и каске. Увидев Сашку с Кроликом, парень лениво направил на них грязный обрез.

– Куда прёшь?

– Не узнай, бьоха пьётивотанковая? – Кролик засмеялся. – Я вам новенького пьивёй...

– Узнал, – отозвался парень. – Всё скачешь?

– Пойзаю, – Кролик подтолкнул Сашку в спину. – Езь чеез мешки.

Сквозь выбитые окна на лестницу проникало достаточно света, и было видно, что все стены густо исписаны ругательствами и множеством имён. Рядом с именами стояли даты – видимо, рождения и смерти. На четвёртом и пятом этажах хлама почти не было и все двери целые. На одной было выцарапано: «Тут живёт Кузя», на другой изображены фаллосы, а под ними красиво, с завитушками, выведено: «Вот вам всем!» Эдик подошёл к самой неприметной двери на пятом этаже и громко постучал.

– Пошёл вон! – крикнули из-за двери.

– Откывай, пьидуйок, замену пьивёй!

Дверь приоткрылась. На пороге стоял рыжий вихрастый парень с оттопыренными ушами.

– Это Ёва, – важно пояснил Кролик.

– Лёва, а тебе так и Лев, – поправил его рыжий хриплым голосом, почесав грудь под некогда белой майкой. – Заходите, сволочи, всё равно уже разбудили.

Квартира оказалась большой и, по сравнению с подъездом, чистой. На стенах сохранились остатки обоев с приятным геометрическим узором, а на ободранных местах новые обитатели наклеили картинки с крутыми ребятами и голыми девицами. Сашка вздохнул: из Корпуса за такое выгнали бы в момент... Большая комната, служившая в нормальных квартирах гостиной, была переделана под пункт питания: половину её занимал огромный стол, одна из его ножек была сделана из обтёсанного ствола дерева. Вокруг стояли разнокалиберные стулья, табуретки, просто ящики. Сверху стол был накрыт грязным листом фанеры. На фанере валялись огрызки, окурки, громоздились невымытые алюминиевые миски и кружки.

– Осмотрейся? – осведомился Кролик. – Садись. Сейчас я тебе командую добуду.

Сашка осторожно присел на деревянный ящик. Лёва уже исчез в одной из комнат, а больше им никто не интересовался.

– Всё в поядке, – донёсся из коридора голос Кролика. – Жди, с тобой язбеются, а я пошэй.

– Будь здоров, – ответил Сашка.

– И ты не кашьей!

Вскоре в комнату шагнул огромный светловолосый парень, одетый в аккуратную серую куртку и такие же брюки, встал напротив Сашки и протянул ему руку.

– Олег. Бери своё тряпьё и иди за мной.

Он провёл Сашку в узкий коридорчик позади гостиной и распахнул одну из четырёх дощатых дверей.

– Живём по двое. Твой сосед – Кеша, парень без заскоков, так что поладите. В комнате напротив – командор, я по соседству. Располагайся.

В комнате, куда направил Сашку Олег, обнаружились два деревянных топчана, шифоньер с одной дверцей и тумбочка с красивыми резными ножками. На тумбочке – полуразобраный магнитофон, грязный чайник и набор отвёрток. Стены комнаты были оклеены плакатами с танками и автомобилями, на полу – цветастый линолеум. На дальнем топчане, укрывшись пледом, дремал парень в танкистском шлеме.

Сашка бросил свёрток с формой на пол и улёгся на свободное место. Новую жизнь предстояло начинать с десятью марками в кармане.

– Слышь, ты кто? – спросил его сосед, поворачиваясь.

– Я? Сашка.

– А я Кеша. Иннокентий Янсен, бывший курсант бронетанковых сил. – Парень посмотрел на Сашку раскосыми ка-

рими глазами и приветливо улыбнулся. Лицо у него было скуластое, загорелое и, как показалось Сашке, доброе.

– Выгнали?

– Ага, я у них хотел ходовую часть танка батю на ферму угнать. Случайно влетел. На батарейках попался.

– На каких батарейках? – не понял Сашка.

– Ну, я несколько батареек на продажу хотел унести – они дорогие. Неправильно сделал. Надо было взять пяток, а я взял двадцать. Ну, они в шкафчик и не влезли. Утром смотрят, а у меня полный мешок батареек под кроватью стоит. Вот и выперли. Но я у них всё-таки набор отвёрток умотал. – Кеша показал пальцем на тумбочку и продолжил: – И ещё шлем свой на память взял. И спать в нём мягко, и уши не мёрзнут.

Видимо, шлем был не единственной частью униформы, унесённой Кешей на память: на нём были кожаная куртка и приличные кожаные же сапоги – гордость всех танкистов.

– Ты не дрейфь, я у своих кентов не тырю.

– А у меня тырить нечего.

– Наживёшь, – Кеша встал и принялся копаться в магнитофоне.

– А у вас тут электричество есть? – без особой надежды спросил Сашка.

– Какое там! – Кеша так энергично махнул рукой, что шлем сполз ему на глаза. – А вот вода течёт помаленьку. Только если ты её пить собираешься, сначала спирту хлебни,

а то с кишками замучаешься.

Через пару минут пришёл Олег с небольшой жестяной коробкой в руках, протянул Сашке.

– Держи, набор новичка.

Сашка раскрыл коробку: внутри она была поделена на два отделения. Слева лежали зубная щётка и крохотная упаковка самого дешёвого зубного порошка, кусок серого мыла, коробок спичек и презерватив в мятой бумажной обёртке; правое отделение было больше – в нём Сашка нашёл вату, бинт, пластиковые ампулы с неизвестными лекарствами и несколько одноразовых шприцев.

– Вот-вот, – со значением проговорил Кеша. – Я тоже сначала ничего не понял, а на самом деле во всех ампулах одно и то же: что-то обезболивающее, на спирту. Но эту дрянь ребята живо используют: кто высосет, кто уколет ради смеха. Я своё, конечно, спрятал, вдруг пригодится!

Сашка закрыл коробку и кивнул на магнитофон.

– Твоя техника?

– Не, что ты! Командору делаю. А ты музыку любишь?

– Смотря какую.

– Ну и ладушки, пошарим вечерком по развалинам, я тут одно место приглядел, детали бесхозные, – Кеша мечтательно зажмурился. – Прошлый мой сосед вообще какой-то неживой был, свалится и спит – ничего ему не надо. Я говорю: Андрюха, давай картон собирать, окна к зиме заделаем, – а ему всё по барабану! А ты как считаешь насчёт зимы?

– Я мёрзнуть не люблю, – признался Сашка.

– Вот и правильно! – совсем обрадовался Кеша.

К вечеру Сашка знал всех парней в бригаде – их было шестеро. Они то выбирались из своих комнат к столу, то опять исчезали. Командором оказался высокий непомерно худой парень с выгоревшими на солнце волосами. Вид у парня был то ли задумчивый, то ли равнодушный, и, когда ему представили новичка, он посмотрел будто сквозь Сашку и сразу отвернулся. «Его все зовут Шиз», – Кеша многозначительно повертел пальцем у виска. Впрочем, на самом деле бригадой руководил Олег. К обеду и ужину он выдавал ребятам консервы и крупу в бумажных пакетиках. Он же распорядился флягой с колоночной водой, которую наполняли дежурные. Все продукты хранились у него в комнате. «У кого же ещё? – пояснил Кеша. – Остальные или схавают всё разом, или на водку поменяют, а я бы в частный сектор продал». День для Сашки проходил как в тумане: он запоминал кого-то, слушая бесконечную болтовню Кеши, куда-то ходил, даже умудрился поесть застывшей тушёнки из жестяной баночки, но ему постоянно казалось, что это сон, ему здесь не место и правильное будет немедленно уехать. А тем временем наступил вечер. В выбитое окно комнаты потянуло холодком. Сашка сидел на топчане, обхватив колени руками, и размышлял, переживёт ли он сегодняшнюю ночь или замёрзнет. Чёрная форменная куртка с жиденьким утеплите-

лем внутри почти не согревала. Кеша между тем то заходил в комнату, то куда-то пропадал, но вскоре наконец пришёл окончательно. Оглядел дрожащего Сашку и участливо поинтересовался:

– У тебя что, другой одежды нет?

– Нет.

– Сирота, что ли? Да? Ладно, надо будет тебе у падальщиков что-нибудь купить. Завтра ходим.

– У падальщиков? – Сашка от удивления даже рот открыл. – У них что, и тут магазин? Но они же... Они с трупов вещи продают. Я не могу к ним идти!

– С трупов. Ну и что? – Кеша косо усмехнулся. – У них всё постиранное. Или ты предпочитаешь околеть из-за дурацких принципов? Брось! Да и потом, у них ворованного гораздо больше. Кто сейчасдохнет? Бомжи. Чего с них снимать?

Караванному агентству «Красное братство», попросту падальщикам, казалось, принадлежал уже весь город. Хотя на самом деле – и Сашка в это верил свято – городом управлял Глава. Но Главу мало кто мог видеть, а магазинчики «Красного братства» встречались на каждом углу. Служить у падальщиков было прибыльно, потому что платили они хорошие деньги, но и рискованно, ведь их ненавидели и могли при случае убить. Разумеется, руководителей «Братства» никто не трогал, жили они в хорошо укреплённых загородных посёлках, а в город приезжали только с охраной, состоящей из наёмников-пустынников. Но то руководители, а ря-

довые пацаны-падальщики подвергались постоянной опасности. Впрочем, выбора у них не было: «Красное братство» набирало ребятишек из самых бедных семей. Из таких, для которых кроме приюта падальщиков оставался только один исход – голодная смерть. «Красное братство» не гнушалось ничем: пока взрослые занимались торговлей и перевозкой грузов между городами, мальчишки в поисках пригодных вещей обирали трупы после боёвок и раскапывали развалины в бедных районах города, да и просто воровали. Сашка, как и все его друзья по Корпусу, презирал падальщиков, но не мог не понимать: если бы они не торговали лекарствами, его матери нечем было бы снимать сердечные приступы – городская аптека давно продавала только вату и бинты.

– В общем, одежда тебе нужна, – сказал Кеша через несколько минут. – В форме ходить нельзя. Особенно если чего-то задумал, как мы сегодня. Возьми фонарик, а я окно заделаю. И сразу пойдём.

Кеша достал из-за шифоньера плотный лист фанеры и принялся закреплять его в оконном проёме. Стало очень темно. Сашка включил фонарик. Кеша порылся в тумбочке и вытащил оттуда револьвер.

– Во какой! – похвастался он. – Хороший ствол, я его почти целиком сам собрал. Правда, патрона всего два...

Они долго брели среди развалин прошлой эпохи. Когда-то, до войны, здесь жило множество людей, парковались машины, бегали дети. Теперь остались только мёртвый ка-

мень и крысы. Горожане остерегались селиться рядом с таким опасным местом, штурмовики с наступлением темноты затихали, поэтому и тишина ночами здесь стояла просто нечеловеческая. Сашка, наверное, только сейчас убедился, что война была на самом деле. И не такая вялая, как сейчас. Конечно, и сегодня продолжаются стычки между городами, а чаще – просто между бандами, и парни гибнут сотнями, но здесь-то погибли тысячи. И не военных, которые в конечном счёте предполагают для себя такой финал, а простых жителей. Сашка родился и вырос в центре города, где многие и не знают, что война продолжается. То есть знают, но живут мирной жизнью. Там работают гимназии, рестораны, завод и мастерские, есть университет и гвардейский Корпус.

Сашка поёжился. Кеша, всю дорогу деловито молчавший, вдруг остановился.

– Тс-с-с. Здесь коммуна «Злых хиппи».

– Кого?

– Ну этих уродов, которые за мир во всём мире. Они, если встретят, непременно отпинают. Конечно, хиляки, но ходят всегда такой кодлой, что сразу убегай. У них хорошо махоркой разживаться. Они её где-то выращивают. Вот бы это место найти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.